

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-208-225

СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ «ПЕРИФЕРИЙНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ» ДЖЕФФА ГУДВИНА*

Д.Ю. Карасев

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Просп. Вернадского, 84, Москва, Россия 119571
(e-mail: dk89@mail.ru)

Предмет статьи — синтетическая теория революции Джеффа Гудвина, претендующая на то, чтобы стать теорией революции четвертого поколения, а также особенности ее применения в рамках сравнительно-исторического исследования периферийных революций «короткого двадцатого века». Первая часть статьи показывает истоки новаторского теоретико-методологического синтеза Дж. Гудвина: возможности и ограничения различных структурных теорий государства, а также сетевого анализа. Синтез государственно-конструктивистского подхода и сетевой модели структурного конструктивизма позволяет, с одной стороны, избежать ошибок предшествующих поколений теорий революции, связанных в основном с их неспособностью учесть каузальный вклад культурных и агентных детерминант, а, с другой, защищает от противоположных ошибок эссенциализма, культурного детерминизма, волюнтаризма и т.д. Вторая часть статьи описывает использование теоретической модели для анализа волн периферийных революций в Юго-Восточной Азии в 1945—1955-е годы, в Центральной Америке в 1970—1980-е годы и в Восточной Европе в 1989 году. Росту революционных движений способствуют бюрократические, патримониальные и эксклюзивные режимы со слабой инфраструктурной властью, но свержают чаще всего патримониальные. Политическое угнетение и насилие больше способствуют солидарности периферийных революционеров, чем социально-экономические факторы, например, бедность. В заключении представлены выводы Гудвина о будущем революций и теорий революций. В XXI веке мир увидит меньше революций и больше движений за глобальную справедливость. В социологии революции наблюдается все меньше попыток создания общей теории революции и все большая специализация в изучении отдельных революций и их типов на основе синтетической структурно-культурной методологии.

Ключевые слова: Джефф Гудвин; социология революции и общественных движений; государство-центричный подход; сетевой анализ; постколониализм; проблема структуры/агентности, культуры

Академическую институционализацию социологии революции в качестве отрасли социологического знания принято связывать с именем П. Сорокина и его одноименной работой. Но сколь сильно изменилась социологическая теория революции с тех пор? Общее представление об этом можно составить, обратившись к тем классификациям, которые содержат элемент периодизации. Наиболее подходящей (хотя и не бесспорной [см., напр.: 7]) выглядит известная классификация Дж. Голдстоуна, выделяющая три поколения теорий революции. К «первому поколению» относятся теории с узким предметным полем и социально-психологи-

* © Д.Ю. Карасев, 2018.

ческим объяснением причин революций. Ко второму поколению — теории с расширенным предметным полем (включая многочисленные случаи коллективного и политического насилия второй половины XX века за пределами Европы), предлагающие психологические, социологические и политические объяснения (соответствующие подвиды второго поколения). Третье поколение составляют теории, избегающие ошибки расширенного и узкого предмета (группируя революционные кейсы, сравнивая и противопоставляя их группами), которые предлагают структурное («неволонтаристское») объяснение революций и их результатов в терминах государственных, классовых, демографических, экономических структур и международных отношений [11]. Из сказанного легко сделать предсказуемый вывод, что двумя детерминантами трансформации социологических теорий революции являются общие теоретико-методологические изменения в социологии (смена парадигм) и изменение предмета (появление новых «революциобразных» кейсов).

Некоторое упрощение истории социологии революции позволяет сделать более содержательные выводы. Можно говорить о влиянии на социологию революции (прежде всего историческую) политической истории «сверху» и ревизионистской истории «снизу», в социологии соответствующая дихотомия в более широком теоретическом ключе известна как «проблема макро/микро». Иными словами, не только революции бывают «сверху» и «снизу», но и изучать и объяснять их можно «снизу» и «изнутри» (например, организационным потенциалом революционеров, их уровнем мобилизации, внутренней солидарности и поддержки населения, наличием необходимых ресурсов) или «сверху» и «извне» (например, политической неспособностью старого режима, кризисом государственных финансов, войнами, ошибками политических лидеров по обе стороны баррикад, геополитической, экономической или демографической конъюнктурой и т.п.).

Соответственно, существенная трансформация теорий революций началась лишь с третьего поколения и попыток (независимо от их успеха) объединить подходы, которые прежде использовались по отдельности. Тогда призыв Дж. Голдстоуна перейти к «четвертому поколению», по сути, есть ни что иное, как призыв к синтезу всех незаслуженно забытых достоинств предыдущих поколений с «третьим» под давлением общесоциологических и особых для социологии революций теоретико-методических дебатов. Если бы не новые кейсы, вечное теоретическое возвращение «назад» в объяснении революций поставило бы под вопрос реальное развитие этой отрасли социологического знания.

Что касается предметной стороны, то можно назвать революционные кейсы, появление которых заводило в тупик каждое из трех предшествующих поколений. Так, кейсом, который «убил» третье поколение и стал стимулом для четвертого, была Иранская революция 1979 года [22]. Доказательством тому служит книга Ч. Курцмана, посвященная Ирану [18], главы которой выстроены так, чтобы наглядно показать, как теории третьего поколения одна за другой терпели фиаско в попытках объяснить Иранскую революцию. Социологическая теория революции всегда запаздывает за своим предметом, поскольку на то, чтобы признать, что проблема не в специфике неудобного кейса, а в теории, всегда требуется время. Американский социолог Дж. Гудвин не обращается специально к иранскому

кейсу, но его синтетическая теория — хороший пример движения к четвертому поколению, она отвечает всем теоретическим требованиям и одновременно применима к нетипичным на первый взгляд периферийным кейсам.

Т. Скочпол называет исследования периферийных революций своего бывшего аспиранта Гудвина одними из самых влиятельных в этой области [22. С. 304]. Методологический вклад Гудвина в создание синтетической теории революции четвертого поколения признает и Дж. Голдстоун, согласно которому «ни одной общепризнанной теории четвертого поколения еще не создано, но контуры такой теории ясны» [3. С. 103]. Это теория, (а) пересматривающая основные допущения структурных объяснений третьего поколения, (б) синтезирующая структурные, агентные и культурные объяснения, (с) уделяющая больше внимания вопросам идеологии, идентичности, эмоций, лидерства, гендерных проблем и т.п. Методология Гудвина соответствует всем этим критериям, но ее практическая реализация потребовала существенных упрощений.

Реконструкцию теоретического синтеза Гудвина следует начать с его тщательного SWOT-анализа структурных подходов к объяснению революций через роль государства. По мнению Гудвина, подходы на основе оценки роли государства (*state-centered approach*) были и во многом остаются наиболее мощным инструментом исследования социальных революций, а «модные» постструктуралистские концепции (зачастую редуцирующие все к культуре и ментальности), напротив, вызывают массу вопросов. Гудвин выделяет четыре типа подходов на центральной роли государства: *автономия государства, способности государства, политическая возможность, государственно-конструктивистский подход*.

Пример использования перспективы (относительной) автономии государства от господствующего класса — классическое исследование Т. Скочпол [23]. Вторая перспектива концентрируется на материальных или организационных способностях государства (которые М. Манн называл «инфраструктурной властью» [19]) достигать своих политических целей вопреки сопротивлению прочих могущественных акторов. Перспектива политической возможности уделяет особое внимание реакциям и проницаемости государства, или «политической системы», для коллективного действия или влияния мобилизованных групп, например, это исследование Ч. Тилли [25] (хотя, «поздний» Тилли гораздо ближе к сетевому анализу).

Наконец, государственно-конструктивистский подход акцентирует внимание на том, как государство (часто непреднамеренно) оформляет разные идентичности, социальные связи, идеи и даже эмоции акторов гражданского общества. В этом случае центральный вопрос не в том, есть ли политическая возможность действовать у уже оформленных акторов, а в том, как действия государства и прочих акторов власти обуславливают (конструируют) когнитивные способности и моральное оправдание определенного вида коллективного действия, коллективных эмоций, идентичности и идеологии революционеров.

«Отчего столько внимания государству, если революции с очевидностью являются комплексными историческими процессами, которые включают множество экономических, социальных, культурных, организационных, социально-психологических и волюнтаристских факторов?» [13. С. 24].

Во-первых, государства и революции связаны исторически. Современное государство отвечает на вопрос, почему революция является «модерновым» феноменом, который не имел места до XVII века: «нет государств — нет революций» [14. С. 12].

Во-вторых, подход на основе центральной роли государства позволяет зафиксировать специфику революционных движений: в отличие от прочих типов общественных движений их цель — захват или разрушение государственной власти. Государство с неизбежностью является целью революционных движений, поскольку без государственного аппарата принуждения или вопреки ему невозможны кардинальные социальные изменения.

В-третьих, данный подход позволяет исследовать условия формирования революционных движений: группы со специфической революционной идеологией, радикальной или высоко-рисковой стратегией борьбы способны завоевать поддержку широких слоев населения только там и тогда, где и когда этой поддержки лишилось государство. Ослабление или распад государства является необходимым условием успеха революционного движения.

Как любой другой подход, структурная перспектива на основе центральной роли государства обладает своими ограничениями, поскольку общества влияют на государство не в меньшей, а, возможно, в большей степени, чем государства на общества; госслужащие обычно не являются автономными акторами, а, напротив, часто служат интересам господствующего класса или (иногда) вооруженных нижних классов; будучи «структурным», подход не фиксирует цели (иногда стратегические) и культурные измерения социального действия; поскольку «государства» и «общества» интерпретируются друг через друга, само различие между ними сегодня несостоятельно и должно быть устранено [14. С. 18—21]. Наиболее общим недостатком подхода является отсутствие негосударственных или неполитических (независимых) переменных, объясняющих ассоциативные социальные сети, материальные ресурсы, коллективные верования, культурные дискурсы, а также эмоции. На базе структурного подхода, сфокусированного на роли государства, невозможно осуществить нейтральный синтез каузального вклада разных сфер в социальные революции. Но это возможно на базе сетевого подхода, который уделяет особое внимание социальной организации и межличностным связям в процессе мобилизации движений. Гудвин считает сетевой анализ более перспективным направлением исторической социологии (революции).

Отметим сходства и различия структурного подхода на основе центральной роли государства и сетевого анализа. Оба ведут начало от структурного функционализма, но источниками своеобразия сетевого подхода являются формальная социология Г. Зиммеля, теория обмена Дж. Хоманса и социометрия Я. Морено.

В отличие от структурного подхода, единицами анализа которого являются разного рода (материальные/нематериальные) «сущности», единицами сетевого анализа выступают связи, транзакции, узлы, потоки, а не индивиды, структуры, группы, нормы, институты и т.п. Антиэссенциализм сетевого анализа позволяет синтезировать социальную структуру, культуру, социальную психологию и агентность в историческом объяснении, поскольку речь идет лишь о связях, а они

могут быть любыми: символическими, родственными, материальными и т.д. Если подход на основе центральной роли государства является макроподходом, то сетевой не может интерпретировать групповое поведение в отрыве от индивидуального и тем самым устраняет разрыв «макро-микро».

Все это Гудвин называет «*антикатегорическим императивом*», который запрещает объяснять человеческое поведение и социальные процессы исключительно в терминах «категорических атрибутов» акторов, будь то индивидуальных или коллективных. Сетевой анализ строит свое объяснение не на основе таких статических атрибутов, как принадлежность к классу, влияние классового сознания или политической партии, пол, возраст, вероисповедание и т.д., а на основе включенности акторов в динамическую структуру социальных отношений, мест, которые люди временно занимают в сети социальных связей.

Гудвин выделяет три вида сетевых моделей исторического объяснения, а внутри каждого вида — реляционную и позиционную разновидности. *Реляционный подход* объясняет определенное поведение или процессы на основе социальных связей, их плотности, силы, симметричности, диапазона и т.п. *Позиционный подход* истолковывает поведение и процессы не в терминах связи между акторами, а с точки зрения их позиций относительно прочих акторов социальной системы. Центральным понятием позиционного анализа выступает «структурная эквивалентность» — когда два или более актора разделяют отношения «лицом к лицу» применительно к третьему актору. Набор «структурно эквивалентных» отношений формирует «позицию», а акторы, ее разделяющие, — «блок». В итоге создается «блочная модель» социальной системы.

«Первая из трех имплицитных моделей [исторического объяснения], модель *структурного детерминизма*, пренебрегает потенциальной каузальной ролью верований, ценностей и нормативных обязательств актора, или ролью культурных и политических дискурсов в истории. Она также пренебрегает теми историческими конфигурациями социального действия, которые оформляют и трансформируют изначальные социальные структуры в первую очередь.

Второй и более удовлетворительный (но все же проблематичный) подход — *структурный инструментализм*. Здесь исследования признают первостепенную роль социальных акторов в истории, но, в конечном счете, концептуализируют их активность в узкой утилитарно-прагматической и инструментальной формах» [8. С. 1426]. «Яркой тенденцией структуралистских инструменталистов является явное или скрытое „протаскивание“ в исследования концепций агентности из сферы теорий рационального выбора» [8. С. 1428]. По сути, модель структуралистского детерминизма представляет собой серию моментальных сетевых «снимков» социальной структуры, которая детерминирует поведение акторов независимо от их убеждений или верований. Соответственно, данная модель предлагает минимум объяснений конкретных исторических механизмов изменений, ведущих от одной сетевой конфигурации к другой. Структуралистский инструментализм, напротив, признает трансформационную роль социального действия, однако получается, что акторы «творяют историю» не намеренно, а как бы случайно, в ходе погони за деньгами, статусом и властью.

«И, наконец, самая сложная сетевая модель социального изменения, которую мы называем *структурным конструктивизмом*, признает особый исторический диалог идентичностей и „решительных действий“» [8. С. 1426]. Структурный конструктивизм подтверждает возможность того, что цели и стремления акторов могут быть комплексными, мультивалентными и исторически детерминированными; он исследует, например, такие сложные процессы, как связь на основе идентичности, структурная направленность обучения и уступчивый оппортунизм. Этот подход наиболее адекватен с точки зрения концептуализации агентности и потенциального трансформирующего влияния культурных идиом и нормативных обязательств на социальное действие. Примеры Гудвина^[8] для сетевых моделей исторического объяснения, реляционной и позиционной разновидностей каждой модели, удобно представить в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Сетевые модели исторического объяснения

Модели	Модель структурного детерминизма	Модель структурного инструментализма	Модель структурного конструктивизма
Реляционный анализ	<i>Rosenthal N. et al. (1985) Social Movements and Network Analysis: A Case Study of Nineteenth-Century Women's Reform in New York State</i>	<i>Gould R.V. (1991) Multiple Networks and Mobilization in the Paris Commune, 1871</i>	<i>McAdam D. (1988) Freedom Summer</i>
Позиционный анализ	<i>White H.C. et al. (1976) Social Structure from Multiple Networks. I. Blockmodels of Roles and Positions</i>	<i>Bearman P.S. (1993) Relations into Rhetorics: Local Elite Social Structure in Norfolk, England, 1540—1640</i>	<i>Padgett J.F., Ansell C.K. (1993) Robust Action and the Rise of the Medici, 1400—1434</i>

Синтез *государственно-конструктивистского* подхода и сетевой модели *структурного конструктивизма* лег в основу сравнительно-исторического исследования Гудвина [13]. Изучению революции, по мнению социолога, должен предшествовать анализ общественных движений [40] — каким образом под влиянием структурных и культурных факторов конструируются общественные движения, их смыслы и идентичности, а также как они становятся революционными, изменяя условия своего возникновения. В терминах сетевого анализа речь идет о том, как социальные, культурные, социально-психологические и прочие сети создаются, воспроизводятся и изменяются в ходе социального действия, что, по сути, отражает понятие агентности, выступающее (по меткому выражению Х. Уайта) «динамическим лицом социальной сети». Стремясь построить собственные исторические объяснения, Гудвин заимствует ряд положений теории структуризации Э. Гидденса [2], неофункционализма Дж. Александера [4]. Гудвин расширяет сетевую модель структурного конструктивизма концепцией аналитической автономии социальных, культурных и социально-психологических структур, а также неопрагматистской концепцией агентности.

Применительно к оценке роли культурных факторов центральной задачей для Гудвина становится избежание того, что М. Арчер [5] называет ошибкой

«центрального объединения» культуры и социальной структуры. Вслед за Арчер и Александером Гудвин признает аналитическую автономию культурных и символических структур от структур социально-экономических. «Мы предполагаем, что культурные образования являются значимыми потому, что они одновременно ограничивают и дают возможности историческим акторам, точно так же, как это делают сетевые структуры» [8. С. 1440].

Культурные и социально-сетевые структуры «оформляют» акторов в той же степени, в какой акторы оформляют структуры, воспроизводя и изменяя их. Культурные структуры ограничивают акторов, предоставляя им спектр аргументов, которые артикулируются или артикулировались в публичных дискурсах ранее и потому могут быть интерпретированы или поняты другими. Культурные образования также позволяют историческим акторам двигаться в разных направлениях, например, систематизируя их понимание социального мира и самих себя, конструируя их идентичности, цели и стремления, признавая определенные мнения значимыми или выдающимися, а другие — нет.

Гудвин указывает и на «подводные камни» культурных объяснений в исследованиях революций. Во-первых, культурные объяснения могут быть столь же детерминистскими, как структурные, выставляя акторов «культурными марионетками», которыми умело манипулируют. Во-вторых культурные объяснения иногда неправильно интерпретируются как агентные по природе: «культура отождествляется с волюнтаристским действием» [9. С. 366.] Объяснения второго рода недооценивали ограничивающий (контрреволюционный) потенциал культуры (этот недостаток присущ бирменгемской школе и «слабой программе» культурсоциологии).

Социально-психологический контекст выступает еще одним аналитически автономным измерением социального действия наряду с социально-экономическим и культурным. Он включает в себя разные межличностные привязанности, связи эмоциональной солидарности, враждебность, агрессию, волевые аспекты, которые дают возможность и ограничивают действия, направляя потоки и инвестиции («катексисы») эмоциональной энергии. Узлы социально-психологической сети социального действия носят не символический (как в случае культурного контекста) или позиционный (как в случае социально-структурного), а либидинальный характер. Из работы З. Фрейда «Психология масс» Гудвин заимствует концепцию либидинального устройства группы (революционного движения).

По сравнению с теориями рационального выбора модель «либидинальной экономики» неоправданно редко использовалась для объяснения коллективного поведения. Исключением являются работы Ф. Слейтера [24] и Л. Козера [6]: Слейтер анализировал разные формы эмоционального или «либидинального разрыва» с группами, в то время как Козер исследовал то, каким образом «жадные институты» (включая политические организации) пытались его не допускать. Высокорисковые общественные движения требуют от участников, особенно ключевых, «пуританизма», дисциплины и решительно ограничивают их свободное время. Поэтому любые сильные эмоциональные связи, требующие больших инвестиций времени, являются угрозой.

Слейтер называет три основные либидинальные угрозы групповой солидарности: «диадический выход» (диада, сексуальная пара), «семейный выход» (нуклеарная семья и родство в целом), и «нарциссический выход». На примере восстания хуков (Хукбалахап) на Филиппинах Гудвин демонстрирует, как либидинальное устройство (структура связей) движения подорвало коллективную идентичность и дисциплину, создав условия для эмоционального/«либидинального выхода» его участников [16].

Либидинальная экономика хуков была довольно простой: основу движения составляли ветераны войны с Японией, которым на момент восстания было за тридцать, у которых были семьи и дети в родных деревнях, что усиливало их солидарность и решимость защищать родных. Поддержку оставленной семье и движению оказывал род. Партизанское движение медленно продвигалось вперед, обороняя деревню за деревней, не имея возможности вернуться к родным. Женщины в движении хуков были представлены слабо и на вспомогательных ролях. Формальной процедуры развода на Филиппинах не было. Своего рода революционные свадьбы не решили проблемы «сексуального оппортунизма». Высокорисковая стратегия требовала от партизан мобильности, а умножающиеся дети и диадические сильные связи препятствовали ей и в конце концов подорвали внутреннюю солидарность движения.

Таким образом, анализ и модификация структурных подходов к объяснению революций на основе центральной роли государства приводит Гудвина к сетевой методологии, которую он дополняет оценкой влияния культуры, социальной психологии и агентности. Гудвин выделяет три рода аналитически автономных измерения/контекста социального действия: социально-структурный, культурный и социально-психологический.

Благодаря сетевой методологии обо всех контекстах можно говорить в одних и тех же терминах отношений, связей и транзакций. Эти реляционные контексты частично пересекаются и накладываются, оставаясь в то же время автономными. «Структуры» (связи) соответствующих контекстов никогда полностью не детерминируют социальное действие, более того они создаются, воспроизводятся и изменяются в ходе него, что находит отражение в понятии «агентность». Агенты социального действия — индивидуальные или коллективные акторы, культурные смыслы, социально-экономические ценности, идентичности, либидинальные проявления (и прочие «сущности», узлы связи) — получают форму и содержание в ходе социального действия, не обладая ими вне и помимо него. В результате мы получаем сложную схему (рис. 1) эмпирического социального действия в духе Александера, на основе которой Гудвин выстраивает историческое объяснение (здесь Гудвин заимствует концепцию агентности «неопрагматиков» М. Эмирбаер и А. Мише, которая в целом отражает триаду «создание — воспроизводство — изменение» сети социального действия, детально раскладывая ее по измерениям, т.е. «эмпирическое социальное действие» в схеме Гудвина похоже на «креативное действие» Х. Йоаса).

Рис. 1. Реляционные контексты действия (и агентности) [9. Р. 364]

Разработанную методологию Гудвин использовал в сравнительном исследовании периферийных революций и радикальных революционных движений «короткого двадцатого века» [13]. Не ставя перед собой цель разработать общую теорию периферийных революций, Гудвин выявляет сходства и различия механизмов, обуславливающих траекторию революционных движений — как успешных, так и потерпевших неудачу. Сравняя и обобщая условия успеха и провала революционных движений, он суммирует причины периферийных революций. Теория революций в Третьем мире разработана Гудвином совместно с Дж. Фораном на основе сравнения результатов Исламской и Сандинистской революций 1979 года и изложена в статье 1993 года «Революционные результаты в Иране и Никарагуа» [10].

Но в чем же причина использования столь тяжеловесного методологического аппарата применительно к сложным и гетерогенным периферийным кейсам? Ответ Гудвина — стереотипы, которыми овеяны эти революции и которые препятствуют их теоретическому осмыслению.

Во-первых, было принято считать, что революции в Третьем мире являются не социальными, а национально-освободительными и с окончанием деколонизации во второй половине XX века прекратятся. Но революции продолжались, причем не только в колониальных, но и в формально независимых странах Третьего мира (и продолжают до сих пор).

Во-вторых, решающим фактором процесса и исхода революции в Третьем мире считалось вмешательство сверхдержав (эта ошибка широко распространена среди современных исследователей «цветных революций»). Но некоторые клиентеллистские режимы, располагающие поддержкой США или СССР, терпели поражение от революционеров, не имевших аналогичной поддержки противоположного полюса холодной войны.

В-третьих, успехи революций и мобилизаций часто объясняли участием именитых профессиональных революционеров типа Ф. Кастро и Э. Че Гевары, но многие известные лидеры периферийных революций гибли, а революционные движения не исчезали, а иногда и укреплялись.

В-четвертых, периферийные революции объяснялись ужасной бедностью Третьего мира: считалось, что бедность и восстания уйдут в прошлое по мере догоняющей индустриализации и развития социального государства. Как известно, ни первого, ни второго в Третьем мире, особенно в Центральной и Латинской Америке, за редкими исключениями, не произошло. И наоборот, отсутствие революций в бедных странах объясняли и часто продолжают объяснять поддержкой США, но сверхдержавам не всегда удавалось предотвратить революции, например, Франции — революции во Вьетнаме и Алжире, США — во Вьетнаме, Кубе и Никарагуа. Некоторые периферийные режимы не способны выстоять против повстанцев, кто бы за ними не стоял, с другой стороны, некоторые революционеры проводили политику, которую не могли приветствовать их патроны. Таким образом, сравнительный анализ периферийных кейсов демонстрирует, что традиционные геополитические, макросоциологические структурные подходы или признание роли великих личностей («сверху» и «извне») не могут объяснить, почему революции произошли (удались) в одних, но не в других случаях.

В терминах Дж. Махоуни [20] если фактор, которому приписывается причинная значимость, встречается и в положительных (когда революция произошла), и в отрицательных кейсах (когда ее нет или она не удалась), то фактор «нерелевантен», и это относится ко всем вышеперечисленным факторам. Бедность стран Третьего мира была «тривиальным» фактором по сравнению с развитыми странами, но внутри Третьего мира — фактором «нерелевантным». Иначе почему на Кубе, в одной из наиболее развитых стран Латинской Америки, революция произошла, а на Гаити или в Доминиканской Республике — нет?

Аналогичным образом часто заблуждаются и приверженцы подходов, рассматривающих периферийные революции как крестьянские войны. Зачастую они недооценивают влияние других коллективных участников революционных коалиций, например, национальных меньшинств с их националистическими идеологиями или городских групп. Выбор в пользу одних, а не других идеологий для агитации, а также смеси идеологий в ходе революционной мобилизации часто порождает широкие, но хрупкие революционные коалиции, участники которых далеки от идеологического фанатизма. Многие теории периферийных революций склонны объяснять это обстоятельство тем, что режимы лишают определенные группы услуг, которые те считают естественным результатом налогов и лояльности [см., напр.: 27]. Однако, по мнению Гудвина, печальная реальность такова, что большинство периферийных режимов не передавали и не собирались передавать никакие коллективные блага широким массам, а подавляли недовольство последних и попытки реформ, т.е. необходима более чувствительная микросоциология революции, не обремененная моделью агентности из теории рационального выбора.

Таким образом, особенности старого режима и организационный потенциал революционеров — важнейшие детерминанты, причем они являются взаимозависимыми переменными с не вполне ясным направлением каузальных связей в каждый конкретный момент революционного процесса и зависят от третьих факторов. Соответственно, периферийные революции (и революции вообще) невозможно изучать и объяснять только «снизу/изнутри» или «сверху/извне»

(проблема макро/микро). Отказ от этих дихотомий делает предметом исследования сложные и частично пересекающиеся и совпадающие сети исторического и географического пространства холодной войны, которые приходится тщательно распутывать и революции в которых необязательно детерминированы идентичным набором факторов. По этой причине Гудвин не стремится разработать общую теорию периферийных революций: факторы во всех кейсах одни и те же, но картинки революционного калейдоскопа, в которые они в каждом конкретном случае складываются, различаются даже при внешне схожем результате.

Сложность и неоднородность предмета делает главной задачей его редукцию для целей сравнительно-исторического анализа. Отобранные примеры революционных движений Гудвин разделяет по регионам, а внутри каждого региона — по степени успеха: от неудачной мобилизации до захвата государственной власти. Иными словами, в терминах позиционного анализа Гудвин предлагает «блочную» модель периферийных революционных движений эпохи холодной войны (табл. 2).

Таблица 2

«Блочная» модель периферийных революционных движений холодной войны

Результат	Юго-Восточная Азия, 1945—1955-е	Центральная Америка, 1970—1980-е	Восточная Европа, 1989
Неудавшаяся мобилизация	Индонезия	Гондурас	Чехословакия, ГДР
Успешная мобилизация без взятия власти	Малайя, Филиппины	Сальвадор, Гватемала	Польша, Венгрия
Успешная мобилизация и взятие власти	Вьетнам (1954)	Никарагуа (1979)	Румыния (1989)

Гудвин исследует три геополитических пространства холодной войны: Юго-Восточную Азию 1945—1955-х годов, Центральную Америку 1970—1980-х годов и Восточную Европу 1989 года. В качестве независимой переменной он берет влияние хода и расстановки сил холодной войны на распространение транснациональных «циклов протеста»/«революционных волн». Общность геополитического и историко-идеологического контекстов, несмотря на прочие различия, позволяет Гудвину зафиксировать структурную эквивалентность данных регионов как «периферийных». «Периферийное — это общество, управляемое периферийным государством» [13. С. 15]. Периферийные (колониальные, пост- или неоколониальные) — государства, власть и политика которых более ими менее детерминированы или жестко ограничены могущественным «ядром» или «метрополией», государством или системой государств.

В результате конфликты интересов, идентичностей и видения будущего возможны внутри «ядра», между «ядром» и «периферией» или внутри «периферии». Более дюжины примеров периферийных революционных движений подобраны Гудвином таким образом, чтобы в каждом из трех регионов присутствовало хотя бы одно движение, которому (а) не удалось создать широкую мультиклассовую (или мультиэтничную) коалицию с международной поддержкой, (б) удалось создать широкую коалицию, но не захватить государственную власть, и (в) удалось мобилизоваться и захватить государственную власть. Степень успешности стано-

вится своего рода двухуровневой зависимой переменной и фиксирует вторую позицию — структурную эквивалентность революционных движений (различаются общественные, радикальные и революционные движения [см.: 13. С. 10]), которая независимо от их успеха, региона, идеологии или радикальности обуславливает нацеленность на силовой захват государственной власти.

Необходимо отметить, что выводы о причинах побед и поражений революционных движений Гудвин делает на основе сравнения леворадикальных вооруженных партизанских движений Юго-Восточной Азии и Центральной Америки (монография 2001 года [13] представляет собой дополненное восточно-европейскими кейсами и методологическими новшествами диссертационное исследование 1988 года «Государства и революция в Третьем мире»). Цель обращения к «революционной волне» 1989 года — подтвердить валидность объяснений, предложенных на основе двух первых регионов. Опыт Восточной Европы также необходим для обобщений и предсказаний будущего социологии революции и ее предмета.

Согласно *государственно-конструктивистскому* подходу наиболее общим фактором динамики революционных движений служит государство, поэтому вывод Гудвина звучит более чем осторожно и скупое: «определенные типы государств и режимов непреднамеренно способствуют созданию революционных движений или, точнее, такого типа политических контекстов, которые способствуют умножению революционеров» [13. Р. 292].

Можно представить это вывод графически [13. Р. 28—29]. На рисунке 2 изображены концептуальные рамки, в которых располагаются реальные государства: по вертикали ранжируются типы государств от бюрократического/рационального к патримониальному/клиентелистскому), по горизонтали — типы политических режимов (от либеральных и инклюзивно-демократических до эксклюзивно-репрессивных диктатур), на оси «z», отложена сила «инфраструктурной власти» государства. Ниже в заданной системе координат представлены государства, способствующие развитию революционных движений (рис. 3), и те, что наиболее вероятно будут этими движениями свергнуты (рис. 4).

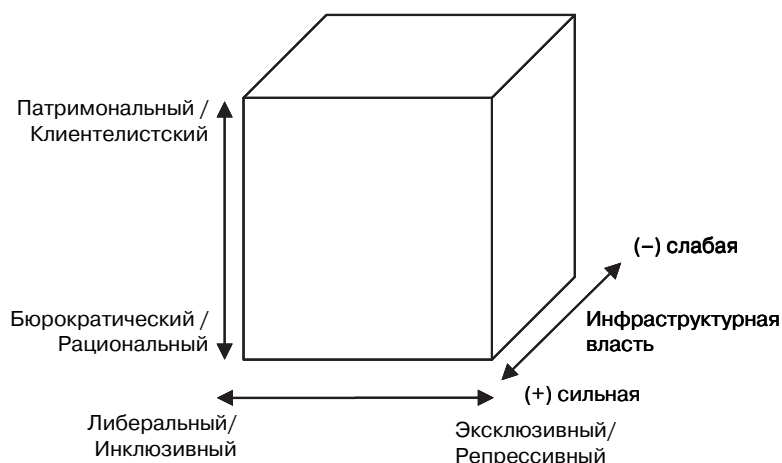

Рис. 2. Типы государств

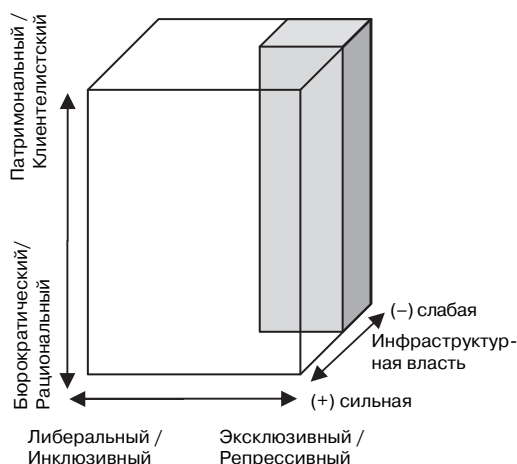

Рис. 3. Государства, «производящие» революционные движения (закрашенная область)

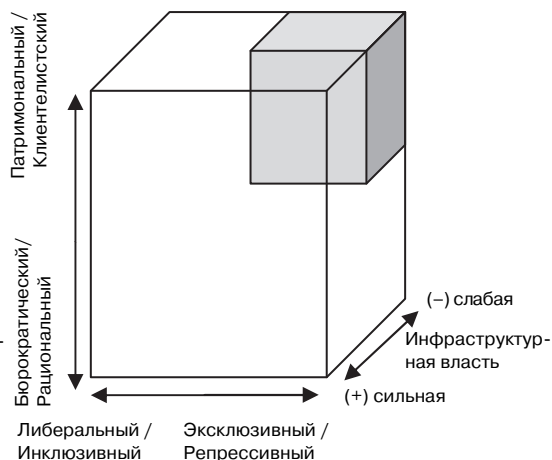

Рис. 4. Государства, которые будут свергнуты революционным движением (закрашенная область)

Графики показывают, что и бюрократические, и патримониальные эксклюзивные режимы со слабой инфраструктурной властью способствуют росту революционных движений, но вероятность быть свергнутыми больше у патримониальных. Иными словами, патримониальные режимы институционально блокируют реализацию инициатив, которые могли бы стать альтернативой участию в революции. Патримониальные режимы не способны оставить за бортом непопулярных лидеров, инкорпорировать новые группы в процесс принятия решений, вести контрреволюционную борьбу рационально и эффективно, не используя насилие. Гудвин приводит подобные графики, демонстрируя траектории революционных движений в зависимости от государств в каждом из трех регионов [см.: 13. Р. 131, 211, 284]. Более конкретны объяснения успехов и неудач революционных движений по регионам, которые выстроены согласно сетевой методологии структурного конструктивизма, где каузальным фактором динамики революционных движений выступают связи разного рода и уровней — начиная с международных связей, связей между государством и обществом, и заканчивая межэтническими, связями между разными общественными движениями и идентичностями членов революционного движения.

Поскольку все колониальные режимы Юго-Восточной Азии в 1945—1955 годы были патримониальными и репрессивно-эксклюзивными, для объяснения причин успеха революционеров лишь в части из них Гудвин различает типы колониализма: «*напрямую управляемые колонии*», в которых метрополии располагали важные правительственные здания и персонал и подавляли ориентированные на реформы местные элиты, были более уязвимы для революций по сравнению с «*косвенно управляемыми колониями*», где имперские силы спонсировали местные элиты, которым без разрушения прежних военно-административных институтов передавалась часть власти. Пример первого типа — французские колонии во Вьетнаме: именно это обстоятельство позволило вьетнамским коммунистам создать

широкую коалицию под лозунгами национального освобождения. Опосредованное управление Британией и Америкой колониями в Малайе и на Филиппинах не позволило повстанцам использовать национальную идентичность для формирования революционных движений. Чтобы сокрушить левых партизан, местные элиты Малайи и Филиппин воспользовались поддержкой иностранных корпусов и прибегли к частичным аграрным реформам. По мнению Гудвина, форма колониализма — фактор успеха антиколониальных революций в Анголе, Мозамбике и Алжире.

Применительно к неоколониализму Центральной Америки в 1970—1980-е годы основным международным фактором стала внешняя политика Дж. Картера (в частности, запрет на операции ЦРУ в регионе). Режимы Сальвадора, Гватемалы и Никарагуа представляли собой закрытые военные режимы. Неопатримониальный диктаторский режим А. Самосы в Никарагуа отличался большей эксклюзивностью и репрессивностью и был инфраструктурно слаб, опираясь лишь на насилие национальной гвардии. Все это обусловило утрату поддержки США и успех Сандинистской революции. «Реформистские» перевороты Сальвадора и Гватемалы, напротив, сохраняли частичную открытость верхушки для выходцев из средних классов и тем самым патронаж и военную помощь США в борьбе с низовыми повстанческими движениями. Таким образом, им, в отличие от режима Самосы, удавалось вести согласованную и относительно эффективную военную борьбу с левыми партизанами, пользующимися поддержкой низов и стран коммунистического лагеря.

Политика гласности и «перестройка» мгновенно лишили поддержки клиентелистские и эксклюзивные сателлиты Восточной Европы в 1989 году. Однако лишь персоналистский, неопатримониальный и инфраструктурно слабый режим Н. Чаушеску, опиравшийся на репрессии «Секуритате», был насильственно свергнут коалицией революционеров и военных. В сравнительно более открытых и бюрократически управляемых режимах Польши и Венгрии пролонгация мобилизации, а также влияние католических консерваторов в антиправительственной коалиции в Польше привели к превращению революционных движений в реформистские. Силовому захвату власти «Солидарность» в Польше и «Альянс свободных демократов» в Венгрии предпочли договоренности со старым режимом и оппозиционерами, победу на полусвободных выборах или коалиционное правительство и мирный демонтаж социализма.

Значительное влияние международных связей на успех революционных движений не означает, что периферийные революции — порождение лишь внешних факторов [17]. Международные связи практически не объясняют, почему в одних случаях мобилизация сторонников движения и формирование революционной коалиции были успешны, а в других — нет. Например, голландские колонии в Индонезии, как и французские во Вьетнаме, были напрямую управляемыми, однако индонезийским коммунистам, в отличие от вьетнамских, не удалось захватить власть и заручиться массовой поддержкой. Их инициативу в мобилизации перехватили нерадикальные индонезийские националисты, поддерживаемые Японией, обещавшей Индонезии свободу и независимость.

Гудвин также сравнивает социально-экономические факторы революционных движений: уровень национального благосостояния, бедность и малоземелье. Компаративистский вывод состоит в том, что все они способствуют успеху левых революционных движений и мобилизации низших слоев. Однако сами по себе они не могут адекватно объяснить масштаб и устойчивость революционных коалиций. Решающим, по мнению Гудвина, является фактор политического насилия: «Революционные движения — ответ не только на экономическую эксплуатацию или неравенство, но в большей степени на политическое угнетение и насилие, зачастую грубое и сплошное (indiscriminate)» [13. Р. 3]. Доказательством служит Гондурас: несмотря на вопиющую бедность и малоземелье по сравнению с прочими странами региона, левым революционерам не удалось мобилизовать сторонников. Причиной стала меньшая по сравнению с Гватемалой, Сальвадором и Никарагуа репрессивность режима и его большая политическая открытость: военные хунты, диктаторы, либеральные президенты и националисты постоянно сменяли друг друга, соперничество группировок ослабляло всех, но бурлящая соревновательная мобилизация подталкивала режим экспериментировать с аграрными реформами. Кроме того, в Гондурасе отсутствовала могущественная земельная аристократия и, следовательно, отчетливый образ внутреннего «врага», борьба с которым могла бы сплотить революционеров. Другим мощным препятствием был высокий инфраструктурный контроль над банановыми плантациями Гондураса со стороны бизнеса США, особенно «Юнайтед Фрут Компани» (UFC).

Чтобы подтвердить каузальную значимость политического насилия по сравнению с социально-экономическими факторами, Гудвин сравнивает Сальвадор/Гватемалу и Малайю/Филиппины. Хотя революционерам Сальвадора и Гватемалы не удалось завоевать власть, полностью расправится с революционерами, пользующимися широкой поддержкой «низов», государствам не удалось. Эти примеры, наряду с борьбой партии «Сияющий путь» в Перу, формируют кластер «*постоянных мятежей*» («*persistent insurgencies*») — они противопоставляются ситуации в Малайе, Филиппинах и Венесуэле, где революционеры были разгромлены правительствами. Общей детерминантой поддержки революционеров со стороны населения в «постоянных мятежах» служило массовое и сплошное насилие слабых в военном отношении государств против рядовых граждан, подозреваемых в поддержке мятежников.

Связь между государством и обществом, с одной стороны, и между обществом и революционными движениями — с другой, выступает ключевым моментом в объяснении политического насилия во всех его формах: репрессии государства, насилие во время мобилизации движения и свержения старого режима. Вероятность политического насилия особенно велика там, где связи между правящими элитами, революционерами и разными категориями граждан слабы, где в прошлом имело место малое число интеракций и коопераций, вылившееся в слабые политические связи, например, там, где элиты, революционеры и население говорили на разных языках, исповедовали разные религии, претендовали на одну и ту же землю и/или были территориально сегрегированы. Данную гипотезу

тезу о «сплошном насилии» Гудвин развивает в теорию «революционного терроризма» [12].

Таким образом, на примере периферийных революций Гудвин подтверждает значимость подхода, акцентирующего роль государства, в его конструктивистской версии. Влияние международных факторов, культуры и идентичности учитывается посредством дополнения данного подхода сетевой методологией.

Интересным и наиболее спорным выступает вывод Гудвина о низкой вероятности революций в ближайшие десятилетия по ряду причин: глобализация делает революционную социалистическую альтернативу сложной и потому менее привлекательной; коллапс советской системы повлек за собой исчезновение основной модели результатов революции; формальная демократия (практически повсеместна) обладает иммунитетом к революции.

Разумеется, глобализация оказывает новое экономическое давление на большинство стран мира, создает пространство для невмешательства в мире, который более не является биполярным, делает демократии хрупкими, хотя коллапс Советского Союза одновременно усиливает их, направляет потенциальные революции к более демократическим и экономически оправданным альтернативам [13. Р. 300].

Под влиянием глобализации национальное государство слабеет, и радикальным движениям приходится менять цель — речь идет уже не о революционных движениях, а о радикальной борьбе за глобальную справедливость. Вывод Гудвина нужно правильно интерпретировать: меньше революционных движений, меньше революций и больше массовых движений за глобальную справедливость (применительно к идеологии глобальных движений он говорит об «обновлении социализма»).

Гудвин полагает, что 1989 год ознаменовал не падение социализма как такового, но лишь падение зависимого и авторитарного социализма. Точно также периферийные революции свергали не капитализм или «периферийный капитализм», а авторитарные разновидности колониального и олигархического (или «кланового») капитализма. «Революции не должны считаться восстаниями, порожденными экономическими конфликтами, которые с необходимостью возникали в большинстве или даже во всех национальных государствах, но как политическая борьба, которая по большей части является результатом исторического стечения обстоятельств и относительно редких типов государственных структур и практик» [13. Р. 34].

Наконец, в статье 2004 года «К новой социологии революций», помимо обзора современных теорий революций, Гудвин предпринимает попытку обозначить последние тенденции в социологии революции. В качестве двух наиболее общих и взаимосвязанных тенденций он называет отказ от попытки создания общей теории революции или хотя бы «коллективного насилия», т.е. эклектичное объяснение отдельных революций и их типов, а также синтез в историко-сравнительных исследованиях модели автономии государства и культурологической перспективы [16].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- [1] Александр Дж.С. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1 [Alexander J. Analytic debates: Understanding the relative autonomy of culture. In J. Alexander, S. Seidman (Eds.). *Culture and Society: Contemporary Debates*. Cambridge; 1990].
- [2] Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации. М., 2005 [Giddens A. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley; 1986.]
- [3] Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. 2006. № 5 [Goldstone J. Toward a fourth generation of revolutionary theory. *Annual Review of Political Science*. 2001: 4].
- [4] Alexander J. *Action and Its Environments*. New York; 1988.
- [5] Archer M. *Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory*. Cambridge; 1988.
- [6] Coser L. *Greedy Institutions: Patterns of Undivided Commitment*. New York; 1974.
- [7] Cucută R.A. Theories of revolution: The generational deadlock. *Challenges of the Knowledge Society*. 2013: 1.
- [8] Emirbayer M., Goodwin J. Network analysis, culture, and the problem of agency. *American Journal of Sociology*. 1994: 99 (6).
- [9] Emirbayer M., Goodwin J. Symbols, positions, objects: Toward a new theory of revolutions and collective action. *History and Theory*. 1996: 35 (3).
- [10] Foran J., Goodwin J. Revolutionary outcomes in Iran and Nicaragua: Coalition fragmentation, war and the limits of social transformation. *Theory and Society*. 1993: 22 (2).
- [11] Goldstone J.A. Theories of revolution: The third generation. *World Politics*. 1980: 32 (3).
- [12] Goodwin J. A theory of categorical terrorism. *Social Forces*. 2006: 84 (4).
- [13] Goodwin J. *No Other Way Out: States and Revolutionary Movements, 1945—1991*. Cambridge; 2001.
- [14] Goodwin J. State-centered approaches to social revolutions: Strengths and limitations of a theoretical tradition. In J. Foran (Ed.) *Theorizing Revolutions*. New York; 1997.
- [15] Goodwin J. The libidinal constitution of a high-risk social movement: Affectual ties and solidarity in the Huk Rebellion, 1946 to 1954. *American Sociological Review*. 1997: 62 (1).
- [16] Goodwin J. Toward a new sociology of revolutions. *Theory and Society*. 1994: 23.
- [17] Goodwin J., Skocpol T. Explaining revolutions in the contemporary Third World. Skocpol T. *Social Revolutions in the Modern World*. Cambridge; 1994.
- [18] Kurzman C. *The Unthinkable Revolution in Iran*. Cambridge; 2004.
- [19] Mann M. The autonomous power of the state: Its origins, mechanisms and results. *European Journal of Sociology*. 1984: 25 (2).
- [20] Mahoney J. Comparative-historical methodology. *Annual Review of Sociology*. 2004: 30.
- [21] *Rethinking Social Movements: Structure, Culture, and Emotion*. Ed. by Goodwin J. et al. Lanham; 2004.
- [22] Skocpol T. *Social Revolution in the Modern World*. Cambridge; 1994.
- [23] Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge; 1979.
- [24] Slater P. *Footholds: Understanding the Shifting Family and Sexual Tensions in Our Culture*. Ed. by W.S. Palmer. N.Y.; 1977.
- [25] Tilly C. *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton; 1975.
- [26] White H. *Identity and Control: A Structural Theory of Social Action*. New York; 1992.
- [27] Wickham-Crowley T. *Guerrillas and Revolutions in Latin America. A Comparative Study of Insurgency and Regime Since 1956*. Princeton University Press; 1992.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-208-225

JEFF GOODWIN'S NETWORK THEORY OF "PERIPHERAL REVOLUTIONS"*

D.Yu. Karasev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prosp. Vernadskogo, 84, Moscow, Russian Federation, 119571
(e-mail: dk89@mail.ru)

Abstract. The article considers J. Goodwin's synthetic theory of revolution that claims to be the 'fourth-generation' theory, and the ways of its application in the comparative-historical analysis of peripheral revolutions of the "short twentieth century". The first part of the article reveals the sources of Goodwin's theoretical and methodological synthesis: the possibilities and limitations of different structural and state-centred theories and of network analysis. The combination of the state-constructionist approach with the network perspective of structuralist constructionism allows to avoid the structuralist mistake of ignoring the causal contribution of cultural and agency determinants, and protects from the opposite theoretical failures of essentialism, cultural determinism, voluntarism, etc. The second part of the article describes how Goodwin used his complex theoretical model in the analysis of the waves of peripheral revolutions in Southeast Asia in 1945—1955, in Central America in 1970—1980s and in Eastern Europe in 1989. He shows that bureaucratic, patrimonial and exclusive regimes with weak infrastructural power contributed to the growth of revolutionary movements, but the patrimonial regimes are especially vulnerable to the revolutionary overthrow. Political oppression and indiscriminate violence determine the revolutionaries' solidarity on the periphery more than social-economic factors such as poverty. The final part of the article presents some Goodwin's conclusions on the future of revolutions and theories of revolutions. In the 21 century the world will witness fewer revolutions and more movements for global justice; while sociology of revolutions demonstrates fewer attempts to create a general theory of revolution and collective action and tends to the studies of different revolutionary cases and their types on the basis of synthetic structural-cultural methodology.

Key words: Jeff Goodwin; sociology of revolutions and social movements; state-centred approach; network analysis; postcolonialism; the problem of structure/agency and culture

* © Karasev D.Yu., 2018.